Мы будем вместе навсегда

Наталья Егорова

SHOUT
SHARE
IT

- Наталья Егорова
  -
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***

Наталья Егорова

Мы будем вместе навсегда

Кофе закончился слишком быстро.

Рымов вяло переложил в корзину десяток рекламных буклетов, на мгновение зацепившись взглядом за строчку "качественное нейропротезирование". Тщательно расправил гарнитуру, подышал на узкие немодные окуляры...

Входить в сеть отчаянно не хотелось.

В последние дни все чаще приходила мысль сменить работу. Устал. Сотни раз окунаться в мутные волны чужого гнева, боли, слушать истерические выкрики и нервный шепот - не пожелаешь и врагу. Нужно быть толстокожим флегматиком, чтобы выдерживать такое изо дня в день. Рымов работает всего полгода, а уже кричать хочется.

В ненастоящее окно робко заглядывал виртуальный рассвет. Диковатых цветов блики - фиолетовые, ядовито-розовые - мозаикой ложились на сертификат "Менеджер-психолог по связям с небиологическими носителями личностных характеристик". Из динамиков тихо журчало и шелестело, якобы создавая рабочую атмосферу.

Рымов сдернул окуляры и надавил пальцами на веки.

Какой он, к черту, психолог! Двухнедельное обучение, как на кнопки давить.

К лешему такую работу. К лешему!

Проморгался. Медленно поправил каждый палец перчатки. Посопел, устраиваясь поглубже в кресле, зачем-то еще раз заглянул в опустевшую чашку и коснулся пальцами сенсорной панели.

Система с готовностью затренькала, вывесив экран заявок в виде деревянной двери - потемневшей, растрескавшейся, облепленной разноцветными бумажками объявлений.

Десяток просьб об оцифровке объектов: старушке захотелось модель любимой чашки, плешивому толстяку - длинношерстную таксу, красотке, отсканированной лет десять назад, - рубиновую диадему.

Последнее лицо Рымов несколько секунд крутил на экране. Даже сейчас в нем чувствовалось эдакое "поди сюда", чертовщинка в ореховых глазах, а уж при жизни, наверное, дамочке проходу не давали. Интересно, что заставило ее пойти на

мнемосканирование: неизлечимая болезнь? особо изощренная депрессия?

Таксу вытащил из стандартной библиотеки, остальные заявки отправил в отдел оцифровки. Через неделю обнаружится, что диадему давно продали жадные наследнички, старую чашку разбили брезгливые внуки... ладно, получим откат, найдем что-нибудь похожее.

Несколько консультаций по законодательству. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы. Впрочем нет, вот это - нечто новенькое. "Я не понимаю какими механизмами обусловлено что я сплю несколько часов в сутки. Ведь насколько я понимаю моему организму в его нынешнем состоянии сон не требуется..."

Рымов добросовестно выудил и переправил ему пару статей на тему сна оцифрованных. Забавный тип. Можно подумать, ему есть как убить лишнее время.

Наконец, на бурой филенке осталась одна бумажка. Требование личной встречи: очередной истерик решил поскандалить. И лицо у мужика соответствующее - узкое, с впалыми щеками, с глубоко вдавленными глазницами. Будет брызгать слюной и жаловаться на... да на что угодно. Например, на увеличение информационного трафика, раз работает со статистикой.

Рымов почесал нос, поерзал в кресле. Зачем-то принюхался: из кухонного блока слабо тянуло горячей пластмассой. Помассировал щеки перед тем, как надеть полную маску, откалибровал микрофон и, наконец, приложил палец к виртуальной бумажке.

Несуществующая дверь тягостно заскрипела, отворяясь.

***

Я гадал, кто придет по моей заявке: человек? виртуал?

Здесь быстро учишься отличать полных виртуалов от аватар - неважно, принадлежащих реальным людям или оцифровкам. В живых есть незавершенность, какой-то едва ощущаемый изъян, который и делает их настоящими. Память о тепле, быть может.

Отсюда, из нулевого сегмента сети все выглядит иначе. Гетто неживых.

Первое время сходишь с ума. Словно тебя заколотили в гроб, и не вздохнуть. Здесь тесно, страшно хочется дышать. Но самое ужасное - невозможность осязания. Даже без вкуса сигареты, даже без запаха пыли можно жить, но невозможность прикасаться, стискивать, стучать кулаком, жевать доводит до безумия. Если привидения в древности испытывали то же самое, немудрено, что они веками пугали туристов горестными стонами.

Или вот еще фантомные боли. Я слышал об оцифрованном, умиравшем от рака: говорили, он кричал каждый вечер. Четыре года.

Потом его изолировали в личном сегменте.

Мне еще повезло, у меня ничего не болело. Я просто был парализован: от шеи и ниже - бесполезная чурка.

Раньше, при жизни, я считал себя личностью. Вроде бы понятно, что такое личность: душа там, мысли, правда? Чувства... Когда слышишь музыку в записи, а в горле стоит комок. Или смотришь слайд-шоу "Музеи мира" и кажется, вот-вот поймешь, что хотели сказать все эти Микеланджело, Рубенсы, Врубели. Что-то запредельное, одним махом объясняющее суть бытия. Или видишь тонкие пальцы с белой-белой кожей и узкий ободок кольца...

При жизни... Каково, а?

Здесь я понял: человек - всего-навсего статистика. Кучка личных вещей, список предпочтений, база покупок, распорядок дня, файлик официальных данных... За всю жизнь редко набирается сотня килобайт собственных мыслей, все больше стандартная медиачепуха. Письма по шаблонам, работа по рекомендациям, профиль по результатам тестирования.

Отсюда, из сети, с дороги мертвых кажется, что все мы оцифрованы еще при жизни и предсказуемы, как элементарные алгоритмы. Стоит выудить нужные данные, и становится ясно, что мы думаем, чего добиваемся, как будем действовать. Даже какими словами будем ругаться с официантом.

А иногда всплывает и то, что хотелось бы скрыть...

Наверное, пойми я, как все произошло, лет через десять, мне стало бы все равно. Я видел старых оцифрованных, у них неподвижные лица - им давно уже стало комфортно. Они забыли, как ненавидеть.

Со дня моих похорон прошло всего пять месяцев. Сто пятьдесят четыре дня, если быть точным. Пять дней и два часа с момента, когда я понял. Недостаточно времени, чтобы успокоиться. И слишком мало, чтобы простить.

Пришел - человек.

***

– Мне нужно обратно. Обязательно, понимаете?

Рымова тянуло поморщиться, но, помня о чувствительных датчиках, он держал доброжелательную улыбку.

– К сожалению, я должен вас огорчить, господин Цвёльф, это невозможно. Мне очень жаль, если при заключении контракта вы не обратили внимания...

– Мне нужно обратно, - упрямо повторил он. - Произошла чудовищная... несправедливость, которую нужно исправить.

– Так бывает. К сожалению, довольно часто. Вы можете изложить вашу проблему, она обязательно будет рассмотрена, и мы примем все необходимые меры.

Он так резко замотал головой, что в слабеньких окулярах Рымова зарябило.

– Я должен сам.

Чиновник пожал плечами.

– Господин Цвёльф, мне неприятно вам напоминать, но область вашего общения ограничена нулевым сегментом. Как бы это ни было неприятно для вас, проблему придется изложить посреднику, то есть мне. А потом мы вместе решим, как лучше с ней справиться.

Оцифрованный стиснул пальцы. Сдвинулись брови, на скулах налились желваки; столь выраженной мимики Рымов до сих пор не встречал ни разу.

– Ваши дела вовне благополучно завершены.

– Вы не понимаете... - Цвёльф обхватил голову руками, уставился на призрачное марево под ногами. - Это... это вопрос жизни и смерти.

Клиент смотрел в пол, и Рымов позволил себе скривиться.

– Послушайте, к чему этот пафос? Я могу разъяснить вам суть законов или порекомендовать вам новую работу, но, господин Цвёльф, я не могу творить чудеса. Сотни людей проходят мнемосканирование, оно дарит им долгие годы жизни, своеобразной, конечно, но жизни. И, поверьте, каждый из них поначалу проходил через то же смущение, растерянность, порой даже отчаяние...

– И что, неужели никто не возвращался?

– Конечно же, нет.

– Но ведь наверняка есть какая-то возможность. Искусственные тела, что-то вроде этого!

– Боюсь, вы не совсем представляете себе, о чем речь. Личностные характеристики невозможно перенести в автономный

носитель... приемлемого размера. Пока невозможно, нет такой технологии. Искусственный мозг размером со шкаф вас ведь не устроит, правда?

– Устроит! Вполне! Меня устроит любой вариант!

Рымов закрыл глаза. Его аватара немедленно повторила беспомощный жест.

– Господин Цвёльф, поймите, никто и никогда не переносит личностные... давайте говорить прямо, оцифрованную личность в автономный носитель. Не бывает таких искусственных тел. В контракте четко указывается: мнемосканирование - операция односторонняя, после проведения процедуры физическое тело перестает функционировать.

– Меня убили, - тихо сказал оцифрованный.

– Господин Цвёльф...

– Меня убили, вы понимаете? Все было подстроено, я сам идиот, сам залез в могилу, но мне ее вырыли!

– Господин Цвёльф, успокойтесь, пожалуйста.

Аватара Цвёльфа выглядела так, будто ей не хватало воздуха.

– Я должен, понимаете, должен вернуться, это несправедливо, они получили, что хотели, они все подстроили, вы ничего не понимаете, я должен!

– Господин...

– Я должен... отомстить! - выкрикнул оцифрованный.

– Господин Цвёльф, если вы имеете претензии...

– Подождите! Я объясню. Месть - я понимаю, глупо, но я должен... Это была моя жена, понимаете... Теперь она собирается замуж!

– Господин Цвёльф, мне неприятно напоминать, но по закону вы считаетесь усопшим. Ваша… вдова имеет полное право...

– Вы ничего не понимаете! - он мокро всхрапнул и рассыпался дребезжащим смешком. - Вы ведь ничего не понимаете!

***

Далекая моя Диана, моя холодноватая богиня с серыми глазами. С льдинкой во взгляде, сводившей меня с ума.

Я помню, как увидел ее в первый раз. Хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, она стояла на обрыве над бушующими волнами. Ветер взметнул огненные волосы, и на мгновение почудилось, вся она оторвалась от земли, чтобы взлететь... или кануть в бездну.

Я выпрыгнул из мобиля; схватив ее за руку, оттащил в сторону. Девушка подняла огромные бездумные глаза - бездонные, как море у наших ног - и я пропал.

Мы проговорили всю ночь прямо на обрыве. Бедняга, она была в отчаянии: ее оклеветали, обвинили в каких-то финансовых махинациях, уволили, фактически, выгнали на улицу. Она ютилась в нищенском блоке соцобеспечения, питалась отвратительными водорослевыми брикетами, одевалась в бесплатные серые комбезы деклассированных. И даже в уродливом рубище была прекрасна.

Мы поженились через неделю.

Признаться, до того дня я мало задумывался о себе. Мне просто всегда везло: немалые деньги, доставшиеся мне по праву рождения, работали сами по себе, преобразовываясь и умножаясь в недрах сети. Одни профессионалы бдительно следили за потоками средств, другие - тщательно оберегали мое спокойствие... Я же вел бесполезное растительное существование в окружении роскоши; и блеск казино, и пышность приемов "высшего света", и феерия виртуальных шоу - все казалось пресным, все было обыденным. Я не был столь азартен, чтобы вписаться в эту картину, но мне не хватало и умозрительности, чтобы смотреть на нее со стороны.

Теперь же мое существование обрело смысл, я обнаружил, как ярка и многоцветна жизнь. Я готов был носить ее на руках, мою Диану, я дарил ей безумно дорогие безделушки, я осыпал ее цветами и драгоценностями, я выстроил хрустальный замок на скале над волнами, где впервые встретил ее.

Год спустя мобиль, который я почему-то вел в ручном режиме, рухнул на камни.

Диана чудесным образом не получила даже царапины, и за это я готов был бесконечно благодарить провидение. Даже узнав, что вся современная медицина не способна вернуть мне чувствительность хотя бы в кончиках пальцев, я не возроптал. Что такое "навсегда", если Диана со мной!

Я помню, как глядел сквозь ресницы на ее скорбно опущенную голову, на шелковую прядь, опустившуюся мне на руку. Помню, как мучительно жаждал ощутить прикосновение этой невесомой прядки, но предплечье казалось таким же мертвым, как трубка капельницы.

Она часами сидела возле меня, и я любовался ее тонким профилем, ее лучистыми глазами, изящно очерченной линией губ. Я прикасался губами к ее тонкой белой руке и бесконечно повторял: она единственное, что есть у меня, она - вся моя жизнь.

Через неделю, увидев передачу о мнемосканировании, я с ужасом понял, что должен быть ей в тягость.

***

– Как вы себя чувствуете, господин Цвёльф?

– Спасибо... Я постараюсь держать себя в руках. Но вы должны меня выслушать.

– Для этого я и вернулся, - кивнул Рымов.

– Дело в том, что я попал сюда по ошибке...

Рымов предостерегающе поднял ладонь.

– Должен предупредить, очень многие, оказавшись в нулевом сегменте, начинают считать, что их обманом вынудили пройти мнемосканирование. Адаптационная депрессия.

Оцифрованный слабо улыбнулся.

– Нет-нет, вы неверно поняли. Я просто не должен был дожить до оцифровки; предполагалось, что я умру раньше. Мне повезло... хотя иногда я сомневаюсь в этом. Беда в том, знаете ли, что я был довольно богат.

– Вы хотите сказать?..

– Да, моя жена. Вдова, - он горько усмехнулся. - Прямая наследница. Она подсыпала мне какую-то дрянь в шампанское, галлюциноген какой-нибудь, черт ее знает, меня будто выключили. Сам я так и не вспомнил, куда мне взбрело в голову лететь и почему на ручном управлении, и что произошло в воздухе.

– Ваша жена заявила, что мобиль попал в грузовой коридор и столкнулся с роботом.

– Да, я тоже читал отчеты. Вероятность того, что я останусь в живых, составляла где-то один к миллиону, так? Они все рассчитали.

– Они?

– Ну да, милая женушка и ее хахаль.

– Господин Цвёльф, боюсь, что вы делаете поспешные выводы.

– Ни в коем случае. Дело в том, что вопреки ее заявлению, я был в мобиле один.

– Но в документах зафиксировано...

– Почти все документы составлялись с ее слов. То-то она была разочарована, когда я открыл глаза. А еще пришлось изображать безмерную радость, нежную заботу... Впрочем, они быстро поняли, как избавиться от меня окончательно.

– Ваша жена... давала вам понять, что вы для нее обуза?

– Никогда. Все было проделано с исключительной тонкостью: передачи, статьи в газетах попадались мне на глаза будто случайно, решение об оцифровке принял я сам, - Цвёльф

мучительно скривился. - Слышали бы вы, с каким жаром она уверяла меня, что я - единственный смысл ее жизни, что она не вынесет разлуки, что готова всю жизнь провести у постели неподвижного чурбана... Знаете... это страшное искушение - оцифровка. Можно разом покончить с жизнью, но как будто остаться в живых. Отсутствует эта давящая мысль о грехе самоубийства, страх небытия, ведь вроде бы продолжишь существовать... Если бы знать заранее, то, может быть, моя прежняя полужизнь... впрочем, не знаю. Наверное, все равно подписал бы контракт. Я так упивался собственной жертвенностью... Глупец.

Рымов помолчал.

– А не могло ли получиться так, что вы... заблуждаетесь? Насколько я понимаю, вы долго обдумывали произошедшее, так не вышло ли, что ничего не значащие мелочи стали казаться деталями коварного замысла? На самом же деле...

– Я просто знаю правду. Я ее видел.

***

Беда в том, что здесь слишком много свободного времени. Начинаешь копаться и в той информации, которая никому не нужна.

Все началось с голографий, снятых на моих похоронах. С болезненным, брезгливым любопытством я рассматривал собственное лицо в гробу. К слову, выглядело оно отвратительно. Цветы, траурные вуали, безутешно рыдающая Диана, рельсы в геену крематория...

На одном из снимков она не рыдала. Она улыбалась за чужими спинами, как сытая кошка.

Помню ощущение в тот момент: будто меня распяли в потоке информации, и острая боль прорезала несуществующее сердце. Я смотрел и не верил. Не понимал. У моей Дианы не могло быть такой циничной, стервозной усмешки. Таких холодных колючих глаз.

Высокий блондин, поддерживающий ее под локоть - я уже видел его где-то, я помню короткопалую руку со шрамиком на указательном пальце. Может быть, видел, как он наливает... шампанское?

Шампанское...

Она спросила "Как ты себя чувствуешь? Может быть, потанцуем?" Потом я помню лишь боль и блестящую красную полосу на камнях - там, где меня проволокло лицом.

Почему она спросила о самочувствии?

Я принялся лихорадочно копаться в архивах. Видеокамеры вездесущи, они следят за нами повсюду; человечеству просто не хватает времени разбирать полученные данные, и они оседают в информационных омутах илом цифрового века.

Я нашел даже слишком многое.

Изящный жест красивой руки - и белые крупинки тонут в моем бокале. Диана улыбается - нежно, любяще. С такой светлой улыбкой она готовилась убить меня...

Голография: искореженный мобиль, мое тело на камнях. Диана… Диана с сосредоточенным лицом бежит навстречу, рыжие волосы взметнулись хвостом кометы. Ее со мной не было!

Господи, где же были эти камеры, бесстрастно фиксирующие ход преступления!

Слегка искаженный голос: "Даже не сомневайся, пойдет, как крыса на дудочку. Он ведь такой благородный..." - и довольный смешок. Низкая, утробная усмешка хищницы.

Я помню, как открыл глаза и увидел ее встревоженный

взгляд. Я был уверен, она беспокоится обо мне. В общем, примерно так оно и было.

Она еще не знала тогда, что я ничего не помню...

Впору было впасть в отчаяние и бессильно рыдать над ворохом свидетельств. Я могу доказать, что преступление было, но что толку! Никакие данные не разрушат стены моего виртуального гроба.

Вот разве что...

***

Рымов взволнованно щипал подбородок.

– И у вас есть доказательства?

– Исчерпывающие. Видеозапись, на которой она бросает какую-то дрянь в бокал и голографии, на которых видно, что в мобиле я один. Думаю, более чем достаточно для любого суда.

– Для суда, - протянул Рымов. - Боюсь, что все очень плохо, господин Цвёльф: в данном случае подать в суд просто некому. После завершения процедуры мнемосканирования вы автоматически считаетесь недееспособным, без возможности выхода во внешние сегменты сети. Извините за прямоту, но, по сути, вас больше не существует.

– Я в курсе. Но ведь я могу обратиться к посреднику - к вам?

– Увы.

– То есть как?

– Господин Цвёльф, для того, чтобы завести дело, нужен истец - тот, чьи частные права оказались ущемлены. Живой. Извините, но мнемосканированная личность таковой не считается. Это все равно, как если бы в суд обратилось привидение.

Лоб аватары пересекла глубокая складка.

– Пожалуй, - заторопился Рымов, - можно обратиться к прессе, хотя я не стал бы обнадеживать вас. История произошла несколько месяцев назад, вы никогда не были известной личностью... никаких особо пикантных деталей, понимаете? Никто не ухватится за эти сведения. Я, конечно, попробую...

– Не нужно.

– Но вы...

– Я придумал другой способ... мести. Да, мести, отмщения. Я измучился представлять, как она смеется над тем, что так легко обманула доверчивого дурака мужа. Как крыса на дудочку... и она получила все, что хотела! Нет, еще хуже... еще хуже, если она забудет, понятно вам? Она будет тратить мои деньги, жить в моем доме, она будет жить! и забудет о том, что убила меня.

Он вскинул руки и затряс кулаками.

– А я хочу, чтобы она помнила о том, что сделала! Чтобы это всегда оставалось с ней!

– Это не поможет вам обрести реальность, - осторожно заметил Рымов.

– Мне нужно, чтобы вы открыли в нулевой сегмент ее психотерапевтический канал.

– Простите?

– Личный канал экспресс-психотерапии. Мне достаточно будет пяти минут, чтобы его зафиксировать.

– Это невозможно.

– Отчего же. Это должно быть очень просто для вас, я проверял вашу квалификацию...

– Это незаконно.

– Всего на пять минут.

– Я понимаю: вы хотите подключиться к ее личному чипу, стать ее собственным привидением, не давать ей забыть... но с какой стати вы решили, что я стану вам помогать? Господин Цвёльф, я понимаю, это личное расследование сильно повлияло на ваше самочувствие.

– Вы сделаете это. Именно вы.

– Господи, но почему вы уверены?

– Потому что я видел, как вы отпустили Шершина.

Кровь бросилась Рымову в лицо. Пестрый ворох пикселов завертелся перед глазами.

– Вы...

– Я же говорил, здесь слишком много свободного времени. Я сохранил кое-какие снимки, качество плохонькое, но лица распознаются.

– Вы ошибаетесь, господин Цвёльф...

– Ничуть, хотите покажу?

– Вы ошибаетесь! Шершин был невиновен, вы же задумываете преступление.

– Невиновен, вот как? Все улики были против него.

– Улики были сфабрикованы! Против парня работал целый штат профессионалов, подкопаться было нереально. Черт возьми, я вычислил настоящего убийцу, но не смог до него добраться!

– То есть вы не против, чтобы я обнародовал эту информацию?

Рымов замолчал.

– То есть вы против, - удовлетворенно сказал Цвёльф. - А мне нужен канал из нулевого сегмента.

– Вы посчитали, что обойдя закон единожды, я с легкостью сделаю это вторично? - сдавленно произнес Рымов.

– Сделаете. Вряд ли с легкостью, но сделаете. Видите ли, умерев, я стал почти неуязвим, а вы...

Рымов рывком отодрал маску, превращая лицо аватары в неподвижную маску.

– Господин Цвёльф, - тихо сказал он. - Не умножайте зло.

Оцифрованные губы раздвинулись в невеселой улыбке.

– Просто откройте мне канал. Дальше я сам.

***

Я замираю в предвкушении мести.

Мириады байт песком просачиваются сквозь пальцы. Дождь импульсов проносит мимо чужие жизни со всеми их приобретениями, документами, голографиями, кропотливо рассортированными и заботливо сохраненными в сети.

Я смеюсь. Я подглядываю в жизнь, отобранную у меня.

Когда открывается канал, мне чудится аромат ее духов.

– Меня снова мучает бессонница, - капризно говорит Диана. - Не могу заснуть до трех утра. Мне прописывали... как же оно называется, сейчас найду... Ну, неважно...

Она ждет бархатный голос виртуального психотерапевта. Ждет, что ее станут утешать, произнося только нужные, только действенные слова. Она ведь тоже оцифрована, ее реакции давно изучены, необходимые отклики запрограммированы...

Вот только я не программа.

Минута тишины. Выдерживаю паузу; ни один обласканный публикой артист не смог бы вложить в нее так много - всю жизнь за гранью смерти. И когда она уже готова рассердиться, когда с ее капризных губ готов сорваться недовольный возглас, я едва слышно выдыхаю:

– Здравствуй, любимая...

Она узнает меня в ту же секунду, и я торжествую. Месть сладка.

Мои глаза смотрят из ее зрачков. Лицо в зеркале стремительно белеет, непостижимо становясь мордочкой старухи, в глазах бьется паника. С почти эротическим удовольствием разглядываю наплывающую на щеки бледность, мгновенно обозначившиеся у глаз морщинки, крохотные капельки над верхней губой.

– Мы будем вместе, - шепчу я. - Навсегда, дорогая.

Тяжелая ваза ударяется в зеркало, разбрызгивая его на сотни острых лучей. Я смеюсь, захлебываюсь смехом. Будь я материален, корчился бы в приступе истерического хохота.

– Навсегда, слышишь? Навсегда вместе!

***

Рымов слушал пустоту внутри себя.

Шершина тогда было жалко. Немолодой мужик, запутавшийся в семейных конфликтах, выбранный на роль козла отпущения службой охраны местной корпорации... Нет, его бы оправдали, наверняка. С другой стороны, а если бы не оправдали...

А Цвёльфа теперь не поймешь, то ли жаль, то ли просто гадко.

С минуту колебался, не посмотреть ли данные на Диану Ланскую, в недавнем прошлом Диану Цвёльф, даже ввел имя в окно поиска.

И стер.

Да и что тут узнавать? Диана могла покончить с собой, могла, в свою очередь, подписать договор на оцифровку, могла, в конце концов, смириться с вечным присутствием покойного мужа в собственных мозгах. Честно говоря, что так, что эдак - все неладно.

Даже если "навсегда" исчисляется какими-то десятками лет...

Рымов допил кофе и запустил скрипт, вычищающий из сети неофициальные данные о нем самом: мелкие предпочтения, списки покупок, особенности распорядка дня, слухи и сплетни, любительские аудиозаписи. Чем меньше электронной чепухи оставалось в разрозненных файлах с его фамилией, тем дышалось свободней.

Как там говорил этот мстительный тип? Все мы оцифрованы еще при жизни? Ну-ну...